

АНДРЕЙ УСТИНОВ
(Сан Франциско)

ОБЭРИУ КАК «ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ»

For Anthony Anemone & Peter Scotto

Но в это время — ба-ба-бах! —
скатели шкаф по лестнице и
по ступенькам до земли
и, в тот же день, в Америку
на пароходе увезли.

Даниил Хармс

В этой комнате Коган
под столом держал наган.

Д. Х.

Работа посвящена отношениям участников Объединения Реального Искусства (ОБЭРИУ), в первую очередь Даниила Хармса с властью. А также их «опасным связям» с Лидией Надежиной (Lydia Nadejina), редактором нью-йоркской газеты «Русский голос» и переводчицей Л. Пантелеева и Виктора Шкловского на английский язык, которую Хармс упомянул на первом допросе после ареста 10 декабря 1931 г. по «Делу Детского сектора Госиздата». В работе также рассказывается история публикации под заглавием «Обереут» в другой нью-йоркской газете «Новое Русское Слово» 17 февраля 1928 года.

Ключевые слова: Даниил Хармс, ОБЭРИУ, Лидия Надежина, Алексей Пантелеев, Самуил Маршак, русская эмигрантская пресса, Лидия Лесная.

Информация об авторе: Андрей Устинов, доктор филологических наук, главный редактор издательства «Аквилон». Сан Франциско, США.

E-mail: abooks@gmail.com

OBერიU as a "Foreign Agent"

The essay reconstructs the complicated relations of the members of the Association for Real Art (OBЕРIU), first of all, Daniil Kharms, with their authorities. The author tells the story of his «dangerous liaisons» with Lydia Nadejina (Nadezhina), editor of the New York newspaper «Russian Voice» and translator of L. Panteleev and Viktor Shklovsky into English. Kharms mentioned her during the very first interrogation after his arrest on December 10, 1931 in relation to «The Case of the Children's Literature Sector of the State Publishing House.» The

essay also reconstructs the story of the publication «Obereut» in «New Russian Word» another New York newspaper on February 17, 1928.

Keywords: Daniil Kharms, OBERIU, Lydia Nadejena, Alexei Panteleev, Samuil Marshak, Russian emigre press, Lidia Lesnaia.

Information about the author: Andrei Ustinov, Dr. Phil. Hab., Director of «Aquilon Books». San Francisco, USA.

E-mail: abooks@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2022-18-2-229-248

Тщательно скопированные покойным Николаем Кавиным (1957–2022)¹ материалы по «Делу № 4246–31 г.», более известному как «Дело Детского сектора Госиздата»,² были сопровождаемы при опубликовании археографическими примечаниями.³ Однако документальный комментарий к ним ввиду специфики издания, где после долгих мытарств эти протоколы были наконец напечатаны во всей их неприглядной полноте, остался за рамками публикации. Вместе с тем «Дело детского сектора Госиздата», о котором мне уже довелось рассказывать, само по себе «как бы не замеченное, оказалось весьма показательным для „сравнительно вегетарианского“ времени конца 1920–начала 1930-х гг. „А времена были еще более или менее чистые, — вспоминал А. И. Пантелеев. — Процессы не фабриковались, работникам ГПУ сдельно еще не платили, планов не спускали. Предотвратить считалось важнее, чем поймать за руку или наказать“. Однако это дело 1932 г. заняло свое место в ряду ленинградских „дел“, явившихся „пробой пера“ „сценаристов из ГПУ“ перед процессами 1930-х гг. и запомнившимся всем ленинградцам „кировским потоком“».⁴

Вот почему некоторые высказывания арестованных по «Делу детского сектора Госиздата» в ответ на вопросы следо-

¹ См.: <https://morebook.ru/novosti/item/1641821438481>; дата обращения 15.07.2022.

² Следственное дело № 4246–31 г. 1931–1932 годы / Публ. Н. Кавина, подг. текстов и прим. В. Сажина // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чиныари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 519; далее ссылки на это издание приводятся сокращенно — *СД*, с указанием страниц.

³ См.: *СД*, 519–523; а также прим. 4 на стр. 640.

⁴ Устинов А. Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. (предварительная справка) // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990. С. 125.

вателей заслуживают если не развернутого пояснения, то хотя бы отдельной экспликации, как в отношении их фактической стороны, так и с психологической точки зрения, т. е. почему участники Объединения Реального Искусства (ОБЭРИУ) — Даниил Хармс, или Александр Введенский, или Игорь Бахтерев — дали именно такой ответ.¹ Если оставить второй аспект на рассмотрение теоретикам писательского жизнестроения и проигнорировать факт, что единственным персонажем этого процесса, который заслужил особого примечания, оказался один из допрашивавших, то невозможно не остановиться на имени человека, которое Хармс называет на самом первом допросе, на следующий день после своего ареста 10 декабря 1931 года.²

В ответ на вопрос № 7 стандартной анкеты ОГПУ «Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, занятия до революции и последнее время)» Хармс, явно в состоянии стресса, сообщает избыточные для протокола сведения: «— отец — Иван Павлович, сестра — Елизавета Ивановна Грицина. За границей у меня знакомая Надежда Александровна Надеждина (sic! — А. У.) — редактор русских газет, с которой я переписываюсь».³ Отмеченную здесь ошибку допускает в протоколе, видимо, не сам допрашиваемый, а следователь, который записывает правильную фамилию *Надежина* по аналогии с названием *Надеждинской* улицы, где в доме № 11 проживало семейство Ювачевых.

В контексте литературной жизни Ленинграда рубежа 1920–1930-х годов имя Лидии Александровны Надежиной (1896–1977) впервые появляется в воспоминаниях близкого

¹ См. протоколы допросов Д. И. Хармса (Ювачева) 11, 18 и 23 декабря 1931 года, 1 и 13 декабря 1932 года (СД, 524–532); протоколы допросов А. И. Введенского 12, 13, 15, 20, 26 декабря 1931 года, 9, 17, 27, января 1932 года и его показания 10–17 января 1932 года (СД, 532–549); протокол допроса И. В. Бахтерева 23 декабря 1931 года (СД, 559–560).

² Хармс был арестован «на квартире своего приятеля П. П. Калашникова» и тогда же «заполнил „Анкету арестованных и задержанных с зачислением в ОГПУ“ (л. 5–5 об.)» (СД, 520). В тот же день «по „Постановлению о производстве обыска и задержании подозреваемого“ в квартире № 8 дома 14/1 по Надеждинской улице произведен обыск у Д. И. Ювачева (Хармса), который „подозревается в том, что он является участников антисоветской нелегальной группировки литераторов“ (л. 2). Из протокола обыска следует, что „взято для доставления в ПП ОГПУ <...> мистическая литература, рукописи и разная переписка“, а комната опечатана» (СД, 519–520).

³ СД, 524.

к «обэриутам»¹ Л. Пантелеева (наст. имя — Алексей Пантелеев-Еремеев, 1908–1987)² и, в отличие от приведенной

¹ «В письме от 18 января 1979 г. Пантелеев сообщал О. Риссу: „...Обериутом я не был, но с Д. И. Хармсом дружил. Видел его за два дня до того, как его вызвали во двор и увезли и за три дня до получения мною повестки на площадь Урицкого“ (РНБ. Ф. 1307)» (Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под. ред. А. Л. Дмитренко и В. Н. Сажина. СПб., 2019. С. 252). См. его мемуарную вишнетку о Введенском: «А вот другое воспоминание, о другом обериуте. Первый день Пасхи. Я в гостях у Даниила Ивановича. Приходит А. И. Введенский, красивый, больше, чем обычно нарядный. Они христосуются, целуются. Потом Введенский поворачивается ко мне, протягивает руки.

— А почему же ты не христосуешься с Алексеем Ивановичем? — спрашивает Хармс.

— Как?! — поднимает брови Введенский. — Я думал — он комсомолец!..» (Там же. С. 257). См. также замечание Пантелеева к ремарке Хармса: «Я живу в одном доме с Введенским; и этим очень недоволен», — в его письме из курской ссылки 23 июля 1932 года: «То, что он пишет о Введенском, вероятно, влияние минуты. С Введенским они были друзьями. Но А. И. мог и раздражать Д. И. — своей фатоватостью, своим бабничеством, светской пустяшностью интересов, увлечениями дешевыми, „плотскими“ — вином, картами, „бабами“» (Устинов А. Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. С. 131).

² См. дополнительные свидетельства о дружбе Пантелеева с «обэриутами» в его переписке с Л. К. Чуковской. 17 октября 1958 года она писала Пантелееву: «Очень меня ударила смерть Заболоцкого (умер 14 октября того года. — А. У.). И подумайте: все его друзья молодости уже умерли: Шварц, Хармс, Введенский. Он был последним на этом кусте, весь куст — вырыт» (Л. Пантелеев — Л. Чуковская. Переписка (1929–1987) / Подг. текста и комм. Е. Ц. Чуковской. М., 2011. С. 137). 6 мая 1959 года интересовалась: «Гнетет меня необходимость написать о Введенском. Я обещала — и не пишу (Предисловие к стихам). Не знаете ли адреса — и фамилии — жены его? Мне необходимо обратиться к ней за некоторыми справками» (Там же. С. 141). «А другие обереуты?! Ведь это же был народ *причудливый*, — вспоминал Пантелеев в письме к Чуковской 25 февраля 1960 года. — Я помню Хармса, юношу, в котелке, с пластроном, а позже — с бархатной ленточкой на лбу. А Олейников, похожий на молодого <Козьму> Прутков! И все напропалуно острят» (Там же. С. 148). «Рад был узнать, что издательство „Малыш“ готовит к выпуску однотомник Д. И. Хармса, которому в декабре этого года было бы 60 лет! — писал он Чуковской 8 августа 1965 г. — Написал мне об этом художник Стерлигов, он же прислал мне в подарок чудесный фотопортрет Даниила Ивановича — выглядывающего из окна редакции на Невский» (Там же. С. 236). «Милый друг, я понимаю, как Вы измучились с книгой. <...> Но вот с Хармсом и Введенским, мне кажется, Вы поступили неразумно, — упрекала она Пантелеева в письме, законченном утром 3 марта 1967 года. — Ни о них, ни о Ваших с ними отношениях, Вы, в сущности, не пишете, только о своей боли о них, только об их смерти — т. е. как раз о том, о чем написать по правде нельзя... Ну и выбросили бы их *совсем* — в „Записной книжке“ такой пропуск ровно ничего не рушит. И тогда не спрашивали бы читатели (меня уже двое спрашивали): „А что, разве Хармс и Введенский погибли на войне?“» (Там же. С. 261). Наконец, Чуковская резюмировала в письме 11 февраля 1978 года: «Вы — мой сверстник, и из-за Ваших плечей мне естественно видеть и Т. Г. <Гнедич>, и С. Я. <Маршак>, и К. И. <Чуковского> — мы с Вами, кроме дружбы, связаны и общностью жизненного пути и общей любовью к тем же людям и книгам, к тому же городу, где выросли и родились. И Вы и я помним и любим и Женю Шварца, и Николая Олейникова, и Б. С. Житкова, и Д. Хармса, и А. Введенского» (Там же. 418).

выше цитаты, в их печатной версии. Его книга «Верую...» вышла в Ленинграде в 1991 году (как завещал писатель, спустя три года после его кончины), но даже несмотря на смену эпохи, эта автобиографическая повесть была опубликована в урезанном виде. Полностью воспоминания Пантелеева так и не были изданы, а сама книга в первую очередь из-за своего названия неожиданно вызвала внимание новоявленного оцерковления, из-за чего была немедленно переведена в категорию православной литературы. В равной мере, несмотря на мою настойчивость считать «Верую...», несомненно, достойным мемуарным источником,¹ прежде опубликованным фрагментам из этих воспоминаний не нашлось места в издании «Даниил Хармс глазами современников».²

Тем более имеет смысл привести здесь целиком безусловно беллетризованный, но корректный фактически мемуарный рассказ Пантелеева о Лидии Надежиной (попутно обратив внимание на семантическую связку «шинели» и имени Виктора Шкловского):

Один раз я пришел в редакцию. Не успел войти, Лидочка Григорова, секретарша, объявляет:

— Алексей Иванович, вам звонил митрополит!

Водрузив на вешалку свою сильно поношенную шинель, я говорю:

— Очень приятно.

— Нет, серьезно!..

И другие мои сослуживицы — тоже, в один голос:

¹ См. цитаты из неопубликованной части воспоминаний Л. Пантелеева уже в: Устинов А. Б. Дело Детского сектора Госиздата 1931 г. С. 125, 131; и далее: Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского; <вступ. ст. и комм. А. Устинова> // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 11. С. 419, 425, 427, 543, 546, 553, 563, 565, 566, 577, 582. Другие фрагменты приведены в примечаниях Е. Прицкера к его публикации: Простота — хуже воровства. Письма В. Е. Стерлигова А. И. Пантелееву // Русская Мысль (Париж). 1990. № 3835. 6 июля. С. XII–XIII. (Литературное приложение. № 10). См. также автокомментарий Пантелеева к трем сохранившимся письмам Хармса к нему 1932 года: Несколько слов об абсурде. Письма Д. И. Хармса А. И. Пантелееву // Там же. С. XIII.

² Здесь опубликованы выборки из воспоминаний Пантелеева, прежде опубликованные в журналах «Новый мир» (1965. № 5. С. 149; 1991; № 8. С. 151–152) и «Звезда» (1978. № 9. С. 192, 195). См.: Даниил Хармс глазами современников. С. 252–257.

— Да, да, серьезно, Алексей Иванович, вам звонил митрополит Вениамин. Просил позвонить в гостиницу. Вот тут все записано.

Все еще полагаю, что девушки подшучивают надо мной, что продолжается не очень остроумный розыгрыш. Но на редакционном бланке записано: «Митрополит Вениамин. Гост. „Националь“. Номер такой-то. Телефон такой-то. Просил позвонить А. И. Пантелеева».

— Ну, что ж. Позвоню. Пожалуйста, — говорю я, усмехаясь.

Номер не отвечает.

Звоню через полчаса. Не отвечает.

— А вы позвоните к портье, — советуют мне.

Звоню к портье «Националя». Спрашиваю, в каком номере остановился митрополит Вениамин. Называют тот самый номер. Звоню по этому номеру несколько раз. Никто не подходит.

Дома у меня телефона не было. Пробовал ли я звонить по автомату — не помню. Кажется, не звонил. Вообще, оставшись наедине и подумав, я решил, что история сильно пахнет провокацией. Какой митрополит и с какой стати мог интересоваться моей особой?

Но все-таки на другой день, придя в редакцию, спрашиваю:

— Никто не звонил?

— Звонили.

— Митрополит?

— Нет. Не митрополит. Виктор Борисович Шкловский. Просил вас позвонить к нему. Сразу же как придете. Срочно.

Звоню Шкловскому. Он как будто ждал меня, сидел у телефона.

— Алексей Иванович? Скажите, вам звонил митрополит Нью-Йоркский и Северо-Американский?..

— Нью-Йоркский? Да... Звонил. Но я думал...

— Думали, что над вами кто-то подшучивает? Я — тоже. Он мне тоже звонил. И Маршаку. Вы ведь знакомы были с Лидией Надежиной?

— Был. Да.

— Ну, вот. Он привез нам от нее письма. Позвоните непременно. Он вас очень хочет видеть.

— Я звонил. Несколько раз. Никак его не застать.

— Да. Он очень рано встает. И очень много ездит. Позвоните ему или рано утром, или поздно вечером. Кстати, вам известно, каким образом к нему следует обращаться?

— Каким?

— Владыка! Я специально узнавал — звонил к компетентным товарищам.

Опять я стал названивать в «Националь». И опять не дозволился.

А на другой день или дня два спустя возвращаюсь откуда-то очень поздно к себе на Плющиху, звоню, и тотчас дверь отворяется — передо мной стоит старик хозяин, Григорий Маркович. Впечатление, что он притаился и ждал меня.

— Алексей Иванович, ох! — говорит он, не успел я переступить порога. — Вы бы знали, какая тут без вас была петрушка!!!

— Что такое? В чем дело?

— Часов, я думаю, так в десять вечера слышу — звонок. Я думал, это вы. Иду отворять и — можете себе представить — вижу: вот на этом месте передо мной стоит — кто бы вы думали?

— Ну, кто?

— Митрополит! В такой вот штуке. С крестом. С серебряной длинной палкой.

— Позвольте, Григорий Маркович, — говорю я. — А при чем тут, скажите, пожалуйста, петрушка?! Ко мне приходил мой друг митрополит, а вы, вместо того чтобы...

Он ужасно смутился, даже испугался.

— Да, но ведь, Алексей Иванович, вы поймите, я их тридцать лет не видел!..

— Ну, хорошо, — говорю, — а что дальше?

— А дальше... Ну, я провел его в вашу комнату...

— Этого еще не хватало!

— Он там посидел, оставил вам письмо... мы поговорили с ним... В общем, я вам скажу, очень симпатичный митрополит!..

После этих слов я совсем пришел в ужас. Надо сказать, что чрезмерной аккуратностью я вообще никогда не отличался, а тут, собираясь со дня на день покинуть эту комнату, я совершенно, до невозможности запустил ее. Стол был усыпан окурками. Тут же стояла электрическая плитка с немойтой сковородкой, лежала платяная щетка, а по соседству красовалась тарелка с недоеденной кашей. Не буду дорисовывать этот натюрморт.

Письмо было от Лидии Александровны Надежиной. С этой женщиной я познакомился в 1929, кажется, году, когда она приезжала к себе на родину — в Ленинград. Эмигрантка еще дореволюционного времени, покинувшая Россию в четырнадцатилетнем возрасте, она увлечена была молодой советской литературой, переводила кое-что (пробовала, между прочим, переводить и «Республику

Шкид»), заинтересовалась оберюитами... Много лет после этого мы переписывались. В 1937 году переписка оборвалась.

И вот передо мной лежит синевато-белый добротный американский конверт, и на нем знакомым мне почерком начертано мое имя. А сбоку огрызком моего синего карандаша нацарапано: «„National“. № 335. Прошу позвонить. Митрополит Вениамин».

Лидия Александровна не совсем грамотно, делая больше ошибок, чем прежде, писала мне:

«Дорогой Ленья! Очень прошу Вас по старой дружбе оказать внимание подателю этого письма и показать ему Советский Союз».

Дальше шли всякие хорошие слова в адрес владыки.

Не помню, делал ли я дальнейшие попытки разыскать митрополита Вениамина. Знаю только, что встретиться с ним мне не пришлось. Месяца через два я получил — уже по почте — письмо из Нью-Йорка. Надежина писала, что и она и владыка очень сожалеют, что ему не удалось со мной встретиться. «О Вас он ничего не мог мне рассказать, кроме того, что Вы очень много курите, в комнате у вас много окурков».

Если не ошибаюсь, впоследствии преосвященный Вениамин вернулся в Россию и несколько лет возглавлял Прибалтийскую епархию русской православной церкви.

А в тот приезд Вениамин и в самом деле много где побывал. В том числе был и на Чкаловской у Маршака. Самуил Яковлевич рассказывал о нем с восторгом: образованный, умница, с юмором...

Рассказал мне Самуил Яковлевич и о том, что, когда он провожал митрополита, во двор из всех подъездов сбегались женщины, подходили к владыке и просили благословения.¹

Наиболее значительным в этом мемуарном рассказе Пантелеева представляется следующее фактографическое замечание: «Письмо было от Лидии Александровны Надежиной. С этой женщиной я познакомился в 1929, кажется, году, когда она приезжала к себе на родину — в Ленинград.² Эмигрантка еще дореволюционного времени,

¹ *Пантелеев Л.* Верую...: Последние повести. Л., 1991. С. 54–56.

² Надежина писала в одной из версий своей автобиографии: «Я родилась и жила в Москве. Много путешествовала с семьей в России и за границей и в экспедициях с видными словесниками, археологами» (см. прим. 15).

покинувшая Россию в четырнадцатилетнем возрасте, она увлечена была молодой советской литературой, переводила кое-что (пробовала, между прочим, переводить и «Республику Шкид»), заинтересовалась обериутами...». Это замечание полностью подтверждается материалами архива Надежиной, который сохранился в отделе рукописей Библиотеки Конгресса в Вашингтоне и, несмотря на отсутствие подробного описания и несколько смущающий титул коллекции, соответствующий американскому варианту ее фамилии „Lydia Nadejena Papers“,¹ заслуживает внимания исследователей. Так, при знакомстве с этим собранием, представляется неслучайным появление во фрагменте воспоминаний Пантелеева Виктора Шкловского² — его «Сентиментальное путешествие» Надежина начала переводить на английский язык.³

В основанной на материалах этого собрания публикации «Похороны Федора Сологуба: неизвестное письмо <неизвестного> очевидца» Жорж Шерон представил краткую, но по необходимости достаточную биографическую справку о Надежиной:

До революции она занималась живописью у известного художника Бориса Григорьева. Революция застала ее в Риме, где она училась в университете. Переехав в Нью-Йорк в 1920 году, Лидия Александровна вышла замуж за Д. З. Крынкина (1889–1959) — сотрудника эмигрантской газеты «Русский голос». В 1929 году в жизни Лидии

¹ См., например, ее подписи под рисунками (Library of Congress (Washington, D. C.) Manuscript Division. Lydia Nadejena Papers; далее — LNP. Box 1) или под газетной рецензией: *Nadejena L. Russia Before and After the Revolution* // New York Herald Tribune. 1933. January 8. Books Section. P. X. Все упоминаемые ниже материалы этого архива, если это не оговорено отдельно, хранятся в коробке 5 (Box 5).

² В архиве В. Шкловского сохранилось письмо Надежиной, полученное им в феврале 1944 года (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 638), и черновик его ответного письма к ней, датированного 28 февраля того же года с ошибочным обращением «Лидия Васильевна» (Там же. Ед. хр. 428).

³ См. отдельно ее «*The Sentimental Voyage by Victor Shkolovsky* (Synopsis)» (LNP). В той же коробке сохранились записи Надежиной о «формальном методе» и заметки к биографии Ю. Н. Тынянова, роман которого «Смерть Вазир-Мухтара» она начала переводить на английский язык.

Александровны произошло важное событие: видный этнограф, профессор В. Г. Тан-Богораз (1865–1936) пригласил ее на годовую стажировку в Ленинградский университет. Будучи в Ленинграде, Надежина помогала Тану-Богоразу организовать при Академии наук Музей истории религии; некоторое время она провела в Москве, где работала с реставратором икон А. И. Анисимовым (1877–1937) в Центральном государственном реставрационном мастерских. Работа Надежиной получила высокую оценку: секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург предложил ей постоянное место в Музее истории религии, однако Надежина предпочла вернуться в Америку, где до самой смерти продолжала читать курс по древнерусской живописи в разных университетах.¹

Как пояснял публикатор, «в архиве Надежиной нашелся оттиск статьи Анисимова „Владимирская икона Божией Матери“, подаренный ей автором. Статья была напечатана в специальном сборнике, посвященном памяти академика Н. П. Кондакова: „Seminarium Kondakovianum“ (Прага, 1928). Сам факт появления статьи за рубежом послужил причиной критики Анисимова в советской печати (см.: Травля ученых // Руль (Берлин). 1928. 8 дек.). Последствия этого оказались трагическими: он был уволен с работы, арестован по вымышленному делу и в конечном итоге расстрелян».²

Надежина приехала в Советский Союз весной 1929 года. Накануне ее путешествия хроника нью-йоркского «Русского Голоса» написала о ее отплытии. Инициатором этого сооб-

¹ Похороны Федора Сологуба: Неизвестное письмо очевидца / Публ., предисл. и прим. Ж. Шерона // Русская литература. 1997. № 2. С. 84.

² Там же. С. 84. В анонимной статье «Травля ученых. Репрессии — Антирелигиозная кампания», появившейся на первой полосе этого выпуска газеты «Руль» курсивом было напечатано следующее: «*Коллегия научно-исследовательского института археологии и искусствоведения обсуждала действия члена института проф. А. И. Анисимова, который напечатал статью о „Владимирской иконе Божьей Матери“ в „Кондаковском сборнике“, вышедшем в Праге. Коллегия нашла, что самый факт помещения проф. Анисимовым статьи в эмигрантском сборнике является недопустимым. Кроме того, вся статья носит антисоветский характер, что выражается в умалении соответствующих органов советской власти, упоминании о чудесных исцелениях, об императоре Николае II и т. д. Коллегия требует, чтобы проф. Анисимов был исключен из Института*» (Руль (Berlin). 1928. № 2444. 8 дек. С. 1).

щения был, разумеется, муж Надежиной Давид Крынкин (Krinkin), главный редактор этой откровенно просоветской газеты, одним из самых активных авторов которой был «отец русского футуризма» Давид Бурлюк:

В пятницу ночью 1 марта на пароходе «Иль де Франс» уезжает в Советскую Россию член Редакционной Коллегии нашей газеты Лидия Александровна Надежина — с целью изучения быта и культуры рабоче-крестьянского государства и составления ряда очерков по этим вопросам для «Р<усского> Г<олоса>».

Наблюдательность нашей сотрудницы, ее чуткость и искренняя любовь к родной стране и интерес к творческому процессу строительства в Союзе Советов найдут отражение в ее статьях, очерках и, как всегда, вызовут живой отклик в сердцах широкой читательской массы «Р. Голоса».

Лидия Надежина, во время своего пребывания в Советской России, по приглашению Ленинградского Университета, будет принимать участие в работе Комиссии этого учреждения по изучению деревни в ее переходе от старого к новому быту и его отображения в современном фольклоре.¹

¹ [Б. п. <Крынкин Д.??>]. Член Редакционной Коллегии «Русск<ого> Гол<оса>» Лидия Надежина едет в Советский Союз // Русский Голос (Нью-Йорк). 1929. 27 февр. С. 1. На следующий день в газете появился отчет о вечере, который состоялся 26 февраля 1929 года: «Гостмэистером вечера был выдающийся русский скульптор Александр Порфирьевич Архипенко, в краткой прочувствованной речи отметивший, что русские артисты в этой стране так изолированы, о них часто забывают в суетном мире Нью-Йорка (sic! — А. У.). Но не забывает их Лидия Надежина, и художник от имени русских артистов благодарит Лидию Надежину за ее внимание и искреннее (sic! — А. У.) отношение к русским артистам. <...> В колоритной, полной силы, энергии и поэтических образов речи Д. Д. Бурлюк, упомянув о русском изобретателе <Николае> Кульбине, утвердившем в морозные ночи нашей Северной Пальмиры, что „планеты танцуют“ и что есть музыка планет, отметил, что проф. <Лев> Термен эту музыку открыл, а за ним придут другие. В этом есть величие и красота. В этом чувствуется наша страна, представляющая собою обширную плоскость, над которой сияют звезды. Страна рабочих, страна труда. И вот теперь одна из наших блестящих точек отправляется в страну великих загадок. Точка — это очень много! От точки начинается новое. Одна из наших точек — Лидия Надежина — отправляется в страну загадок и тайн. Так передайте же великой стране Ильича нашу радость, нашу любовь» ([Б. п. <Крынкин Д.??>]. Чествование Лидии Надежиной // Там же. 28 февраля. С. 2).

Свидетельства о ее пребывании в Ленинграде, к сожалению, немногочисленны. В первую очередь это касается эпистолярной части ее собрания: там нет ни одного письма Хармса, несмотря на его оговорку в протоколе допроса: «*Надежина — редактор русских газет, с которой я переписываюсь*», — но сохранился фрагмент пространного (начиная с пятой и по восьмую страницу) письма Пантелеева конца 1932 года, где после рассказа о своем житье-бытье он переходит к неожиданным подробностям о Самуиле Маршаке,¹ который, вопреки всем предписаниям «Дела Детского сектора Госиздата»,² отделался тогда легким испугом:

Однако, я должен Вам рассказать о себе. Вероятно, Вам небезинтересно (sic! — А. У.) будет узнать, что делал я еще эти последние полгода.

Ведь не стоял же я все время на палубе мариинского парохода, любясь по очереди правым и левым берегом и выдумывая аллегории!

Работал я много. Но сделал мало (не считая сценариев, которые писал «для денег»). В работе находится у меня большая, «эпическая» вещь «Житие Петра Трофимова»,

¹ Приблизительно в эти же дни, к которым относится письмо Пантелеева к Надежине, Хармс записывает в дневнике 22 ноября 1932 года: «Мне позвонил Маршак и просил прийти сегодня, а я обещал уже быть у Пантелеева. А Маршаку нельзя отказать, потом его долго не застанешь. Придется съездить к Алексею Ивановичу днем», — и далее: «Под вечер я поехал к Пантелееву. Там пил много вина. <...> А к Маршаку я так и не пошел». На следующий день он отметил в дневниковой записи: «Звонил Маршак. Очень неловко, что я не был у него вчера» (Дневниковые записи Даниила Хармса. С. 459). Как вспоминал Пантелеев, «думаю, что С. Я. относился к Д. И. с большей искренностью, нежностью, чем Д. И. к нему» (Устинов А. Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. С. 131).

² «Дело Детского сектора Госиздата» случилось на фоне дискуссии о детской литературе, в частности об «игровой поэзии»; см.: Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы. 1917–1941. М., 1982. С. 44–65. В центре нападков критики, пережившей резкую радикализацию, оказались Чуковский и редакция Маршака. Как уже было отмечено, «опубликование коллективной статьи „Против лжи и клеветы“, а также письма детской секции ЛО ВССП и заступничество М. Горького за Чуковского в 1929-м, а за Маршака в 1930 г. несколько отсрочили „подведение итогов“ дискуссии» (Устинов А. Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. С. 127).

один из эпизодов которой — «Пакет», напечатан в сборнике, который я Вам, кажется, посылал.¹

Книжки мои читаются, покупаются, и это дает мне счастливую возможность не слишком спешить с обнародованием своих трудов, дает возможность учиться, работать над собой. А — главное — дает возможность бывать там, где хочется и нужно.

С Сам<уилом> Як<овлеви>чем я виделся в Москве, куда мы оба были вызваны А<лексеем> М<аксимовичем> Горьким на совещание по вопросам детской литературы. Самуил Яковлевич очень скверно чувствует себя. Поездка в Италию мало ему помогла. Он выглядит хуже, чем до отъезда.

Самое печальное, что никаких шансов на улучшение нет. Ведь у него нет никаких страшных болезней, которые можно было бы лечить кварцевым солнцем или морскими ваннами. Единственная и главная болезнь его — переутомление. Единственное лечебное средство — отдых, правильная организация быта и работы. Но в том-то и дело — и беда, — что он не умеет, и вряд ли научится организовывать [личную] жизнь. Он человек безалаберный,

¹ «Пакет. Рассказ буденновца Петра Трофимова» Пантелеева был впервые опубликован с рисунками В. Курдова в 1932 году в сборнике «Костер первый», сопровождаемым подзаголовком: «*Рассказы*: О. Берггольд, Р. Васильевой, К. Золотовского, М. Зощенко, В. Кетлинской, Ю. Либединского, Л. Пантелеева, Ф. Семьина, Н. Тихонова, Г. Фиша. *Обложка* Н. Тырсы. *Рисунки*: П. Басманова, В. Кобелева, В. Курдова, В. Лебедева, С. Мочалова, Ю. Мезерницкого, А. Пахомова, А. Самохвалова, Н. Тырсы, Г. Шевякова, М. Штерн». В редакционном предисловии говорилось:

Этой книгой начинается серия сборников для школьно-пионерского возраста.

Каждый сборник посвящен одной теме.

Костер первый рассказывает о героях. Герои ли это на самом деле, имеют ли они право называться героями в наше героическое время, — пусть решают читатели.

Задача сборника — вызвать живое обсуждение каждого рассказа. «Костры» были задуманы группой писателей, участников этого сборника, которые совместно с редакцией наметили тип и тематику ближайших сборников.

Редактировали и подготовили первый сборник к печати О. Берггольд, З. Задунайская и В. Кетлинская. Литературный консультант С. Маршак.

(Костер первый. М.; Л., 1932. С. 2). В отдельном издании 1933 года «Пакет» был представлен как повесть: *Пантелеев Л. Пакет* / Обложка и рис. Н. Тырсы. Л.; М., 1933. Вероятно, Пантелеев вместо «Жития Петра Трофимова» предпочел оставить старое заглавие. Повесть «Пакет» выдержала шесть отдельных изданий, последнее в 1946 году.

порывистый, жадный. Ему не хватает 24 часов в сутки. Он спит по 2 — по 3 часа.

Все время уходит у него на редакторские и организационные дела. «Для себя» он работает мало. Последняя книжка его — «Мистер Твистер» — баллада об американском туристе. Вероятно, Вы уже знаете ее...¹ <...>

Напишите мне, каковы В<аши> намерения и что должен сделать я для их реализации. Разумеется, я сделаю все, что в силах моих и возможностях. Было бы чудесно, если бы Вы собрались и приехали в СССР.

Напишите также: не нужно ли Вам чего-ниб<удь> из литературы. Летом Вы просили меня [присла<ть>] достать фотографии палехских работ и т. п. Я прочел письмо Ваше через 2 м<еся>ца и не знал, нужны-ли Вам [уже] еще эти фото.

Теперь обещаю невольную вину свою загладить более пунктуальным и любезным отношением к Вашим поручениям.

Тем более, что до весны я буду, вероятно, сидеть в Ленинграде.

В ожидании Вашего письма и в надежде увидеть Вас самолично,

остаюсь

с сердечным

приветом —

Л. Пантелеев. (LNP).

Подробный рассказ о Маршаке здесь совершенно оправдан, потому что после Ленинграда Надежина рассчитывала на отношения с ним как с ведущим редактором Детского сектора Госиздата для продолжения своей литературной работы, которая включала в том числе подготовку антологии современной детской литературы на английском языке. Кроме Маршака,² в это издание должны были войти ее переводы из Д. Хармса, А. Введенского, В. Бианки, К. Чуковского

¹ Ср. в дневниковой записи Хармса 23 ноября 1932 года: «Чтобы не встречаться с Маршаком впервые в четверг или пятницу, я решил забежать к нему сегодня. И забежал на 5 минут. Он прочел свое новое, очень хорошее произведение „Мистер Блистер“ (sic! — А. У.). От Маршака пошел в Филармонию» (Дневниковые записи Даниила Хармса. С. 460).

² В архиве Надежиной сохранились ее переводы из Маршака: «The Post» («Почта») и «About the Silly Little Mouse» («Сказка о глупом мышонке»), а также черновики (LNP).

и др. Надежина справедливо отмечала в своей статье 1931 г. о советской детской литературе «Children's Books in Soviet Russia»: «The development of this *genre littéraire* followed all the vicissitudes of the great struggle in Russia. <...> Soviet writers and artists have elaborated an artistic method by which the subject matter is presented with a harmony of literary style and pictorial illustration admirably adapted to the fresh, simple mentality of the young reader. The rhythm of the text, be it prose or verse, the vivid commentary of line and color combine to form a story fascinatingly direct concise, dramatic and amusing» (LNP).

Однако знакомство Надежиной с Хармсом не сводилось только к переводам его произведений для детей. Цель ее пребывания в Ленинграде была официально определена в выданном ей 20 июня 1929 года тамошним представительством Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) мандате № 6–2084:

Американская журналистка Лидия Александровна КРЫНКИНА-НАДЕЖИНА прибыла в СССР для всестороннего изучения наших культурных и социальных достижений.

В виду того, что гр-ка Надежина намеревается посвятить ряд статей современной жизни СССР, мы просим все организации и учреждения не отказать в любезности ознакомить ее с интересующими вопросами.

Конст<антин> Державин.

Уполномоч. ВОКС в Ленинграде. (LNP).

В этой неуклюжей формулировке тем не менее важно указание на ее намерения «посвятить ряд статей современной жизни СССР». Поскольку Надежина довольно долго ждала разрешения на посещение Советского Союза, но с самого начала настраивалась на работу именно в Ленинграде, она подробно просматривала советские газеты, попадавшие в Нью-Йорк, — на них собственно и строилась незамысловатая журналистика «Русского Голоса» — но также и резко враждебное по отношению к этой «ежедневной газете либерального направления» нью-йоркское «Новое Русское Слово», где придерживались иной идеологической доминанты, которая может быть определена как открытый

антибольшевизм. Об интересе Надежиной к состоянию ленинградской культуры конца 1920-х годов свидетельствуют отложившиеся в ее архиве газетные вырезки из «Нового Русского Слова». Среди них — статья, озаглавленная «Обереут», представляющая собой почти полную перепечатку пресловутого фельетона Лидии Лесной «Ытуеребо»,¹ появившегося в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» 25 января 1928 года, по следам знаменитого вечера ОБЭРИУ «Три левых часа», накануне состоявшегося в ленинградском Доме Печати.²

Поскольку никаких календарных помет на вырезке предоставлено не было, а единственным намеком на печатный источник послужил обрезанный колонтитул „NOVOYE RUSS“, найти искомый выпуск удалось только при знакомстве с газетной подшивкой. Статья «Обереут» нашлась на второй полосе № 5500 «Нового Русского Слова» за 17 февраля 1928 года, т. е. была перепечатана из «Красной газеты» совсем с небольшим опозданием. При сравнении нью-йоркской публикации с оригиналом Л. Лесной нельзя не обратить

¹ Теперь можно вполне окончательно определиться, что автором фельетона, как однажды предполагалось, была не комсомольская журналистка Лидия Гештовт (1907, Новая Ладога — 1984, Москва), в замужестве Золотницкая, писавшая под псевдонимами «Лидия Лесная» и «Лесная-Гештовт» (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 128), а та самая немолодая «сатириконовка». Т. е. Лидия Лесная, «[наст. имя и фам. Лидия Озаясовна *Шперлинг*; 20.12.1889 (1.01.1890), по др. сведениям — 1883, Киев (или Бердичев) — 26.03.1972, Ленинград], поэтесса, автор пьес, произв<едений> для детей, актриса», которая начиная с 1923 года «сотрудничала в ж<урналах> „Смехач“ (1922–23), „Красный ворон“, „Бегемот“ (1927), печатала театр<альные> рецензии в ж<урнале> „Жизнь Иск<ус>тва“ (1923–24) и „Рабочий и театр“ (1926), очерки в вечерних выпусках „Красной газеты“ (1927–28; в т<ом> ч<исле> заметку о вечере „обэриутов“ „Ытуеребо“, обвинившую их в цинизме и „сумбуре“, — 1928, 25 янв.)» (*Акимова М. В.* Лесная Лидия Валентиновна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 349–350). Заметим, что, видимо, начиная как раз с фельетона «Ытуеребо» термин «сумбур» получил в ленинградской журналистике семантический ореол инвективы, достигнув апогея в известном памфлете «Сумбур вместо музыки».

² См. его воспроизведение, например: *Введенский А.* Полн. собр. произведений: В 2 т. / Вступ. ст. и прим. М. Мейлаха; сост. и подг. текстов М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993. Т. 2: Произведения 1938–1941. Приложения. С. 149–150.

внимание на вмешательство журналиста «Нового Русского Слова». Первый абзац фельетона «Ытуеребо», где автор журит участников вечера «Три левых часа» — «Непонятно? Еще бы! Для того и делается...» — заменен на редакционную врезку, в свою очередь разъясняющую, что означает заглавие статьи: «„Обереут“ — это объединение реального искусства. На днях в Петербурге в „Доме Печати“ они дали бой публике и конкурирующим поэтическим школам. Что было, рассказывает „Красная Газета“». Затем, опустив ненужное в данном случае слово «вчера», начинающее второй абзац оригинала, а также последующую «расшифровку», что, по мнению Лесной, означают «Обереуты», «Новое Русское Слово» воспроизводит ее фельетон с минимальными сокращениями:¹ «...В „Доме Печати“ происходило нечто непечатное...», — и далее по тексту.

Можно представить, что Надежина специально сохранила эту вырезку для своего визита в Ленинград. Более того, учитывая ее искренний интерес к театру, она задалась идеей непременно познакомиться с теми молодыми людьми, которые представили на сцене Дома Печати совершенно невероятный перформанс под странным названием «Елизавета Бам», этот «откровенный до цинизма сумбур, в котором „никто ни черта не понял“», в котором «Обереуты сами сказали о себе устами автора», т. е. Хармса: «Если ты идешь покупать птицу, посмотри, есть ли у нее зубы. Если зубы есть, она не птица».²

Настоящая оценка вечеру «Три левых часа» была дана в фундаментальной статье «О „Елизавете Бам“ Даниила

¹ Например, «вольные обмены мнений» вместо «вольные обмены мнений с выступающими»; или переименование «Не в том суть, что у Заболоцкого есть хорошие стихи» вместо «И суть не в том. Не в том суть, что у Заболоцкого есть хорошие стихи...»; или: «„Три левых часа“ вызвали в памяти и полосатые кофты футуристов, и кувырканы Фекса» вместо следующего, не слишком приличного пассажира, если прочитать его целиком:

«„Три левых часа“ вызвали в памяти и полосатые кофты футуристов, и кувырканы Фекса, кто-то вспомнил даже Бальмонта, которого в свое время „никто не понимал“.

— Они хотят свою образованность показать и говорят о непонятном. Это про Береутов еще Чехов сказал» (Там же. С. 150).

² [Б. н.] «Обереут» // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1928. № 5500. 17 февр. С. 2.

Хармса» М. Мейлаха и В. Эрля: «„Три левых часа“, на которых была представлена „Елизавета Бам“, остались единственным такого масштаба выступлением группы ОБЭРИУ, а поскольку группа явилась исторически последним левым художественным объединением в России, то обэриутскому вечеру суждено было стать и последним крупным выступлением в рамках русского левого искусства вообще».¹

Но только благодаря Лидии Надежиной ОБЭРИУ оказалось в роли «иностранный агента», а его участники, сами того не ведая, пособниками «американского империализма», причем в обеих литературных ипостасях — как в своем магистральном творчестве, так и в произведениях для детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова М. В.* Лесная Лидия Валентиновна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 349–350.
2. *Введенский А.* Полн. собр. произведений: В 2 т. / Вступ. ст. и прим. М. Мейлаха; сост. и подг. текстов М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993. Т. 2: Произведения 1938–1941. Приложения.
3. Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / Под. ред. А. Л. Дмитренко и В. Н. Сажина. СПб., 2019.
4. Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского. <Вступ. ст. и комм. А. Устинова> // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 11.
5. Л. Пантелеев — Л. Чуковская. Переписка (1929–1987) / Подг. текста и комм. Е. Ц. Чуковской. М., 2011.
6. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4.
7. *Мейлах М.*, <Эрль Вл.>. «О „Елизавете Бам“ Даниила Хармса» // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1.
8. Несколько слов об абсурде. Письма Д. И. Хармса А. И. Пантелееву / Публ. Е. Прицкера // Русская Мысль (Париж). 1990. № 3835. 6 июля. С. XIII. (Литературное приложение № 10).
9. *Пантелеев Л.* Верую...: Последние повести. Л., 1991.
10. Похороны Федора Сологуба: Неизвестное письмо очевидца / Публ., предисл. и прим. Ж. Шерона // Русская литература. 1997. № 2.

¹ *Мейлах М.*, <Эрль Вл.>. «О „Елизавете Бам“ Даниила Хармса» // Stanford Slavic Studies. Stanford. 1987. Vol. 1. P. 187.

11. Простота — хуже воровства. Письма В. В. Стерлигова А. И. Пантелееву / Публ. Е. Прицкера // Русская Мысль (Париж). 1990. № 3835. 6 июля. С. XII–XIII. (Литературное приложение № 10).
12. Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы. 1917–1941. М., 1982.
13. Следственное дело № 4246–31 г. 1931–1932 годы / Публ. Н. Кавина; подг. текстов и прим. В. Сажина // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенеский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях / Сост. В. Н. Сажин: В 2 т. М., 2000. Т. 2.
14. Устинов А. Б. Дело Детского сектора Госиздата 1932 г. (предварительная справка) // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990.

REFERENCES

1. Akimova M. V. Lesnaya Lidiya Valentinovna // Russkiye pisateli. 1800–1917: Biografichesky slovar. M., 1994. T. 3: K–M. S. 349–350.
2. Vvedensky A. Poln. sobr. proizvedeny: V 2 t. / Vstup. st. i prim. M. Meylakha; sost. i podg. tekstov M. Meylakha i V. Erlya. M., 1993. T. 2: Proizvedeniya 1938–1941. Prilozheniya.
3. Daniil Kharms glazami sovremennikov: Vospominaniya. Dnevnik. Pisma / Pod. red. A. L. Dmitrenko i V. N. Sazhina. SPb., 2019.
4. Dnevnkovye zapisi Daniila Kharmsa / Publ. A. Ustinova i A. Kobrinskogo. <Vstup. st. i komm. A. Ustinova> // Minusheye: Istorichesky almanakh. Paris, 1991. Vyp. 11.
5. L. Panteleyev — L. Chukovskaya. Perepiska (1929–1987) / Podg. teksta i komm. Ye. Ts. Chukovskoy. M., 2011.
6. Masanov I. F. Slovar psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley: V 4 t. M., 1960. T. 4.
7. Meylakh M., <Erl VI.>. «O „Elizavete Bam“ Daniila Kharmsa» // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1.
8. Neskolko slov ob absurde. Pisma D. I. Kharmsa A. I. Panteleyevu / Publ. Ye. Pritskera // Russkaya Mysl (Parizh). 1990. № 3835. 6 iyulya. S. XIII. (Literaturnoye prilozheniye № 10).
9. Panteleyev L. Veruyu...: Posledniye povesti. L., 1991.
10. Pokhorony Fedora Sologuba: Neizvestnoye pismo ochevidtsa / Publ., predisl. i prim. Zh. Sherona // Russkaya literatura. 1997. № 2.
11. Prostota — khuzhe vorovstva. Pisma V. V. Sterligova A. I. Panteleyevu / Publ. Ye. Pritskera // Russkaya Mysl (Parizh). 1990. № 3835. 6 iyulya. S. XII–XIII. (Literaturnoye prilozheniye № 10).

12. *Putilova E. O.* Ocherki po istorii kritiki sovetskoy detskoj literatury. 1917–1941. M., 1982.
13. Sledstvennoye delo № 4246–31 g. 1931–1932 gody / Publ. N. Kavina; podg. tekstov i prim. V. Sazhina // «...Sborishche družey, ostavlennykh sudboyu». A. Vvedenesky, L. Lipavsky, Ya. Druskin, D. Kharms, N. Oleynikov: «chinari» v tekstakh, dokumentakh i issledovaniyakh / Sost. V. N. Sazhin. V 2 t. M., 2000. T. 2.
14. *Ustinov A. B.* Delo Detskogo sektora Gosizdata 1932 g. (predvaritelnaya spravka) // Mikhail Kuzmin i russkaya kultura KhKh veka: Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maya 1990 g. / Sost. i red. G. A. Moreva. L., 1990.